

ТАЙНЫЙ ГОРОД

ЦИКЛ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ

КОМАНДОР ВОЙНЫ

АТАКА ПО ПРАВИЛАМ

ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ

НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ

КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА

КАФЕДРА СТРАННИКОВ

ПРАВИЛА КРОВИ

КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ

ЦАРЬ ГОРЫ

ДЕНЬ ДРАКОНА

ЗАПАХ СТРАХА

РЕБУС ГЛАВА

ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

В КРУГЕ ВРЕМЕН

МИСТЕРИЯ МЕСТИ

ДИКИЕ ПЕРСЫ

ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ

ЗЕЛЕНый ГАМБИТ

ДУРАКИ УМИРАЮТ ПЕРВЫМИ

ОХОТНИКИ НА ВАМПИРОВ

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

НОЧЬ СОЛНЦА

ПЕРСТЕНЬ ПАРАЦЕЛЬСА

ЖАЖДА

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА «ТАЙНОГО ГОРОДА»
В ИНТЕРНЕТЕ: WWW.T-GRAD.COM

ЦИКЛ «АНКЛАВЫ»

МОСКОВСКИЙ КЛУБ

ПОВОДЫРИ НА РАСПУТЬЕ

КОСТРЫ НА АЛТАРЯХ

ПРОДАВЦЫ НЕВОЗМОЖНОГО

ХАСОВЕРШЕНСТВО

НЕПОСТИЖИМАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ЦИКЛ «LA MYSTIQUE DE MOSCOU»

ТАГАНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА

РУЧНОЙ ПРИВОД

ЦИКЛ «ГЕРМЕТИКОН»

ПОСЛЕДНИЙ АДМИРАЛ ЗАГРАТЫ

КРАСНЫЕ КАМНИ БЕЛОГО

КАРДОНИЙСКАЯ РУЛЕТКА

КАРДОНИЙСКАЯ ПЕТЛЯ

✧ ВАДИМ ПАНОВ ✧
ОЛЕГ БОНДАРЕВ

ЖАЖДА

МОСКВА • • 2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Жажда / Вадим Панов, Олег Бондарев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-699-89199-3

Ростов-на-Дону славится хлебом и традициями, южными красавицами и засушливым летом, а также опасными убийцами, чьи сомнительные подвиги любят смаковать на центральных телевизионных каналах. И кто бы мог подумать, что появление беспощадных убийц напрямую связано с тайной, которую вот уже несколько тысячелетий хранит Зеленый остров. С тайной, разгадать которую не могли даже обитатели Тайного Города. С тайной, которая грозит гибелью и Ростову, и всему миру...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89199-3

© Панов В., Бондарев О., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ПРОЛОГ

Ростов-на-Дону, наши дни

Оно...

Или она?

Или он?

Или странное «это»? Средний род, то есть — оно...

Оно грызло изнутри с таким остервенением, что хотелось разорвать грудь и выдернуть его — с кровью, жилами и мясом... С сердцем, а возможно — с душой... Вырвать из себя. Умереть, но избавиться от той дряни, которая...

...Человек тяжело вздохнул, упёрся рукой в стену и хмыкнул:

«Иногда быть с тобой невыносимо...»

С искусанных губ упала на пол капля крови. Не первая.

И не последняя.

Лоб мужчины блестел от пота. Состояние напоминало предынфарктное: головокружение, тошнота, удушье и нестерпимая боль в области сердца. Не было только страха смерти, который, говорят, в подобных случаях неизбежен. Наверное, потому, что где-то в глубине души мужчина хотел умереть.

«За что ты так со мной? Я ведь служу тебе верой и правдой...»

Он оттолкнулся от стены и несколько мгновений шатался, пытаясь поймать равновесие и позорно не упасть на пол. Не хотел веселить своей болезненной неуклюжестью того, кто сидел внутри. И у него получилось, несмотря на то что пол перед глазами ходил ходуном, словно корабельная палуба в шторм.

Получилось.

Он одержал маленькую, но победу.

«Какой же ты ненасытный!.. Совсем недавно получил своё и требуешь снова... Дай мне отдохнуть. Прошу тебя — дай...»

До дверного проёма четыре шага, не больше, и мужчина решил, что они должны стать его следующей победой. Пусть маленькой, но победой. Ещё одной. Он глубоко вздохнул, убедился, что равновесие никуда не пропало, и сделал неуверенный шаг, потом ещё один. Младенец ходит лучше и быстрее и шагает шире, но приходилось довольствоваться тем, что есть. Третий, четвёртый... — и вот мужчина вцепился скрюченными пальцами в дверной косяк и с облегчением вздохнул: получилось.

А в следующий миг накатывает новый приступ. Третий подряд, чтоб его! Третий!

«За что?!»

Он снова кусает губы и думает об одном — не закричать. Ведь если сбегутся соседи, будет плохо. Не ему — им. Потому что сейчас он совершенно точно

не сможет удержать себя в руках при виде потенциальных жертв.

Волна схлынула. Мужчина мутным взглядом оглядел прихожую.

Обуться, накинуть куртку и выйти наружу? Отвратительная идея. День в разгаре, и кругом будут люди, живые люди... Улыбающиеся... Ругающиеся... Хмурые... Весёлые... Гомонящие... Молчащие... Полные чувств и крови... Там люди. И он не сможет удержаться. Однажды он уже пробовал разогнать волну приступа прогулкой, в результате набросился на первого же встречного, едва не попался и с тех пор зарёкся гулять, пребывая в столь паршивом состоянии.

Оставалась кухня...

Мужчина повернулся и медленно, шаг за шагом, держась за стену и почти не поднимая ноги, потащился к новой цели.

«Кажется, отпускает. Понятно, что не навсегда, лишь на время, но хоть какое-то облегчение...»

Доковыляв до кухни, он медленно уселся на табуретку, тяжело опёрся о стол, вытер пот со лба и сплёл пальцы рук перед собой. Он всё ещё не находил себе места, мысли его витали вокруг предстоящей охоты, и отвлечься не получалось.

Он знал, что не победит. Что его удел — достижения маленьких целей, но в главном он проиграет. Точнее — уступит.

Именно так — уступит.

Согласится сделать...

Отчаянная борьба за собственное сознание продлится лишь до той поры, пока он не отправится на охоту. Среди ночи, конечно же, потому что охотиться днём — глупо, небезопасно, обязательно приведёт к гибели, но... Но тому, кто внутри, этого не объяснишь. Он или оно требует сейчас, и именно в этом заключалась борьба мужчины: оно требовало сейчас, и приступы Жажды становились всё более частыми и сильными, а он умолял потерпеть, понимая опасность бездумных действий. Оно ругалось и мстило болью. Он терпел и страдал, понимая, что если попадётся, то отправится в тюрьму или на кладбище. Оно хотело крови и не понимало смысла слова «кладбище». Он не имел ничего против охоты, но...

«Ох!»

Новая волна оказалась чертовски жёсткой. Мужчина знал, что так будет, но не успел подготовиться и едва не упал с табуретки, в последний момент вцепившись в столешницу. Стол покачнулся, но удержал.

«Будь оно проклято!»

Жажда била наотмашь, и он знал, что рано или поздно перестанет пытаться контролировать её. Знал, что никогда не привыкнет к боли, зато ему надоест её терпеть. Знал, что в какой-то момент упоение охоты возьмёт верх над осторожностью, он пойдёт убивать, повинуюсь первому, самому слабому позыву, и обязательно допустит нелепую ошибку. Например, убьёт на глазах у десятка зевак.

И тут уж никакой адвокат, пусть даже гениальный, не поможет.

Мужчина знал, что так будет.

Но пока держался.

И чтобы отвлечься, он выдвинул ящик кухонного стола и вперился взглядом в блестящие, очень острые ножи. Кухонные, но всё равно смертоносные. Средней длины. Из хорошей стали. Идеально чистые. Очень удобные.

Мужчина смотрел на них и улыбался.

ГЛАВА 1

Ростов-на-Дону, 1923 год

— Здесь он живёт, душегуб, — одними губами произнёс милиционер Петров. — Здесь.

Было их в отряде пятеро, но к передней двери пошли втроём, а оставшихся двоих к чёрному ходу отправили — вдруг мерзавец попробует сбежать?

— Точно здесь, Егор? — осведомился старший милиционер Комаров, бросив на подчинённого хмурый взгляд.

Петров кивнул, не задумываясь, поскольку узнавал лично.

Преступный элемент Яковенко Николай Иванович вместе с женой и единственным ребёнком заселился в этот дом, переехав из Риги. Бывший красноармеец, воевавший и с белыми, и с белополяками, он поначалу осел в Прибалтике, но вскоре перебрался на Дон и открыл в Ростове продуктовую лавку, занявшись выгодной коммерцией... И убийствами. По версии следствия, Яковенко заманивал к себе домой людей, якобы «для обсуждения оптовых сделок», опаивал водкой и до смерти бил ножом. Затем лихач прятал труп в мешок, относил

к реке и топил. Оттого и связать с Яковенко выловленных ниже по течению Дона покойников удалось не сразу. Кабы не случайный свидетель, видевший, как Николай Иванович тащит к воде очередной мешок, искали б душегуба долго.

— Входим на счёт «три», — шёпотом объявил Комаров.

Петров опять кивнул и потянул из кобуры «наган». Егор не был взволнован — на гражданской довелось нюхнуть пороху, — однако чувствовал себя не очень уверенно, поскольку не за обычным преступником пришли. А за зверем. По неподтверждённым данным, Яковенко отправил к праотцам не менее пятнадцати человек. И пусть жертвы в момент нападения были в стельку пьяны, сути дела это обстоятельство не меняло: Яковенко был беспощадным зверем и от него стоило ждать любого коварства. Да и жену его сбрасывать со счетов не стоило: она, мерзавка, наверняка знала о делишках мужа, но не донесла, позволяла убивать. Может, запугана была до невозможности, а может, и помогала...

— Раз! — начал отсчёт Комаров.

Третий милиционер, Фролов, шумно сглотнул: был парень ещё крайне молод, но уже заносчив сверх всякой меры. В войну Егор старался держаться от подобных типов подальше, потому что гибли самоуверенные куда чаще осторожных, но сейчас выбора не было, оставалось мириться с присутствием юного коллеги и надеяться, что у Фролова хватит ума не лезть на рожон.

— Два! — продолжил Комаров.

Тут уж и Петров напрягся и сейчас напоминал вставшую в стойку легавую: теперь достаточно одного слова хозяина, и бросится со всех ног вперёд, преследуя улепётывающую дичь до самого конца.

Комаров уже надувал щёки, чтобы воскликнуть «Три!», когда изнутри послышался звон стекла. Старший милиционер поперхнулся и, едва сдерживая кашель, уставился на Петрова, будто именно он был повинен в шуме.

Петров вытаращился в ответ.

И первым, как это ни странно, пришёл в себя именно «зелёный» Фролов: заорав благим матом, парень плечом ударил дверь, намереваясь, как и было задумано, ворваться в дом, однако та устояла. Фролов попятился, взял разгон, приложился сильнее, дверь не выдержала — распахнулась настежь, — и молодой милиционер буквально ввалился внутрь.

— В окно! В окно прыгнул, гад! — завопил опомнившийся Петров и, оттолкнув едва удержавшегося на ногах Фролова, бросился в гостиную.

Милиционер не ошибся: вбежав, увидел, что окно разбито, а ветхая рама с торчащими наружу осколками раскачивается взад-вперёд. В комнате резко пахло водкой: на полу валялась разбитая бутылка, вокруг которой споро расползлось вонючее пятно. За столом, не шевелясь, сидела полная темноволосая баба, видимо, супруга душегуба, а в углу стоял темноволосый мальчишка.

При появлении Петрова женщина широко распахнула глаза и заголосила:

— Товарищи милиционеры! Слава богу! Это всё он, он, окаянный, Колька! Сволочь, подлец, ненавижу...

— Молчи, дура! — рявкнул Комаров. — Где он?!

— Ненавижу...

Из кухни — там был устроен чёрный ход — появились милиционеры, недоуменные и обескураженные.

— Вы его спугнули? — накинулся на них Комаров. — Он вас увидел?

— Потом будем разбираться, кто кого спугнул! — Петров бросился к окну. — Потом!

Надо было торопиться, пока Яковенко не затерялся в вечерних сумерках.

К счастью, прыть душегуба сыграла с ним злую шутку: выбив окно, он порезался об острые осколки и теперь оставлял за собой кровавый след, отменно видимый на белом рыхлом снегу. И ведь догадайся Яковенко распахнуть раму, а не переть напролом, не оцарапался бы и преспокойно скрылся в хитросплетениях ростовских улочек.

«Надо, надо догнать!» — думал Петров.

Он мчался, не жалея ни ног, ни сапог, будто от успеха погони зависела его жизнь. Но в тот день, увы, стать героем не свезло: свернув за угол, Егор обнаружил, что след обрывается прямо посреди заснеженной улицы. Он так и застыл перед послед-

ним кровавым пятном, и набравший ход Фролов едва не сбил его с ног.

— Ванька, ну! — возмутился Петров, зло сверкнув глазами.

Орал он скорее для острастки, крайне раздосадованный тем, что они столь бездарно упустили беглеца.

— Прости, Егор, — потупился Фролов.

— Да толку с извинений?! — раздражённо отмахнулся Петров. — Вона, душегуба упустили!

— Ну а что мы, Егор? Мы ж бежали, как могли...

— Ну да, бежали...

Яковенко, судя по всему, на чём-то уехал, иначе как можно объяснить, почему след обрывается посреди улицы? Скорее всего, случайного извозчика поймал, можно сказать — повезло. Куда уехал? Об этом следовало расспросить его благоверную.

Когда расстроенные милиционеры вернулись в дом, Комаров, нужно отдать ему должное, понял всё с одного взгляда и ругать подчинённых не стал. Поморщился, повернулся к женщине — она по-прежнему сидела за столом — и жёстко спросил:

— Куда твой муж побежал?

— Я... я... я не знаю ничего... клянусь вам, товарищи милиционеры, не знаю...

Она стала было креститься, но Комаров не позволил: с презрительной миной хлопнув её по руке, вновь потребовал выдать убежище супруга. Увы, новый ответ ничем от прежнего не отличался. Всё, что услышал старший милиционер, это заверения

в собственной непогрешимости. Мол, «мы хоть и жили под одной крышей, но я и помыслить не могла...».

«Ну да, ну да, небось в задней комнате варежки вязала, покуда он очередного мужика кончал», — с отвращением подумал Егор.

Ему стало омерзительно глазеть на дурную, напуганную и полупьяную бабу, которая вертелась, словно уж на сковородке, и он отвернулся к пацанёнку. Мальчишка, как прежде, стоял в углу, ни жив ни мёртв. Был он темноволосый, худющий, сгорбленный и какой-то... нервный: то ручкой то-нюсенькой дёрнет, то ножкой притопнет. Боится... Понятно, что боится. Петров вздохнул. А потом подумал, что Яковенко не очень-то сына стеснялся, убивал небось прямо на его глазах, зная, что отпрыск всё равно не выдаст, и от этого милиционеру стало ещё мутнее.

— Эй, — осторожно позвал паренька Петров.

Тот вздрогнул и робко оглянулся.

— Не бойся, — тихо сказал Егор. — Не обижу.

Он словно бродячего щенка из норы выманивал. До смерти напуганный бессердечными людишками зверёк не хотел покидать укромное логово и возвращаться в жестокий мир, но он, возможно, знал что-то нужное, поэтому милиционер продолжил.

— Кто тебя так? — взглядом указав на синяк под левым глазом, спросил Петров.

Мальчишка потупился.

— Скажи. Мне можно.